

Владислав Санников

Багровый путь деградации нации

16+

Владислав Васильевич Санников

Багровый путь деградации нации

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42358125

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-0346-7

Аннотация

Равнодушие – это грех, но настоящих верующих и скорбящих мы можем увидеть только на иконах. Я видел, как страна превращалась в руины и деградация процветала, и это было так преднамеренно выгодно тем, кто посеял эту гниль сорняка на когда-то цветущую благородную почву. Моя душа кричала и рвалась от боли за всё происходящее вокруг. И только маленькая доля того крика отразилась в этой книге. В ней вы сможете прочитать, как времена пересекаются друг с другом, переходят из одного мира в другой – из реального в навеянный мир иллюзий. И всё же это и есть одна большая жизнь. Обложка стилизована, автор обложки и стилизации Зуев А.А.

Я не думаю, что моя книга станет любимой в твоей коллекции книг, и будет стоять в красивой обёртке на большой полке рядом с другими книгами, приобретенными тобой в шикарном книжном магазине. Но всё же я надеюсь, что твоя рука время от времени будет тянуться именно к ней, и ты будешь перечитывать любимые тобой строчки, задумываться и вспоминать прошлое, и трезво, рационально размышлять о будущем. Ведь это наша с тобою жизнь, и нам её нужно прожить, не мучаясь за совершённые ошибки, и не кривить душой, оставаясь самими собой. Вот истина истин.

Я хотел открыть тебе все двери будущего, но в этих дверях нет замков. Я чувствую дыхание нового времени, оно захлестывает, как волна морская! Я чувствую дыхание смерти! Кто он – Герой сегодняшнего дня, взошедший на пьедестал ожидания с присвоенным ему титулом под названием «талант»? Возможно, этого героя очень долго ждали и взращивали как особый вымирающий вид, или как специальный продукт, приготовленный нам на показ. Но я, в таланты, не верю! «Талант» – всего лишь слово, хотя за ним кроется, глубокий смысл. На самом деле всё очень просто – дело лишь только в работоспособности, в упорстве, в трудомотии, но и, конечно же, в собственном здоровье и генетике.

Но ты живёшь в обществе инвертированных. Что движет этими людьми? Что!?

Хитрые кровососы, энергетические вампиры, педофилы,

воры, геи, и гейши, лесбиянки. Кто, все эти люди!?! А вернее – приматы под названием общество. И ты живешь в этом обществе, и ты дышишь с ними одним кислородом. Ими тоже правит победа, ведущая их к тем самым вершинам, к которым стремишься и ты, и я, и он. А сил всё меньше и радость всё скучнее, и воздуха не хватает и темперамент всё невзрачнее. А всё же, хочется жить – и тебе, и мне, и ему. Но кто-то взял и решил, что всем не ужиться, что всем мало места, да тесно. Так кто же он – этот кто-то!?! Может быть – он, может быть – ты, а может быть и, – Я!?! Кто-то нечист на руку, а кто-то врёт, красиво подставляя каждый раз подножку; кто-то глупо болтлив, кто-то умно вытянет из тебя всё, что ты знаешь, воспользовавшись твоим умом, сделает себе карьеру и сколотит капитал, при этом ни разу не поблагодарит тебя и будет считать, что это лишь только его заслуга. Иной ужасно боязлив до паранойи, кто-то молча, не говоря ни слова, просто сожрёт тебя своими тупыми наглыми широко открытыми глазами, он не скажет ничего, будет смотреть на тебя, неизвестно о чём-то думая. Ведь вы знаете о том, как всё происходит в отношениях между людьми. Эти звериные инстинкты порой доводят так далеко за приделы человеческих понятий, туда, где рушиться всё, и человек становится нечто, что можно только сравнить со зверем. Мы часто смотрим передачи про животных, читаем книги и удивляемся. Да, мы удивляемся, но человек остается всё тем же самым существом, живущим почти по тем же самым звериным за-

конам. Человек – это зверь! Наверное, Вы захотите оспорить это утверждение, а может и нет, но его суть именно та же, что и у зверя, пытавшегося достичь цели, цели своей звериной победы. Его стремительный дух победы такой же, как и у тигра, загоняющего в пропасть маленького беззащитного оленёнка. «С чего начинается Родина?

– С картинки в моем букваре! А может, она начинается...» А может, а может, да впрочем, всё может быть! И Родина может везде начинаться, не только с картинки в моём букваре, и не со шлагбаумов с красными полосами, или с пронсящих мимо поездов, пыльных дорог.

Да и вообще, где это самое чувство Родины? То самое, болящее внутри чувство, живущее глубоко с малых лет, именно с того самого букваря, в котором было выведено крупным шрифтом МАМА МЫЛА РАМУ. Быть может, ту самую раму, через которую был виден двор. Именно тот самый твой двор, тот пресловутый двор с песочницей и лавочками, в котором ты бегал. А может, даже и не двор, а просто вид на речку или даже на дорогу, может, это даже была чаща густого леса, в который ты бегал с друзьями, за ягодами и грибами. Но всё равно это тот самый вид из окна через ту самую раму, которую мыла мама, через которую ты видел именно ту самую Родину, где ты живешь. Но в сотый или, быть может, в тысячный раз ты задаешь себе один и тот же вопрос, смотря из этого окна – это ли она, твоя Родина, или же нет? И можешь ли ты ею гордиться, и может ли она гордиться то-

бой?! Несломленное чувство гордости подсказывает две совершенно разные вещи, а сломленное самолюбие трепещет и радуется, и тут же стонет, заливается горькими слезами вперемешку со спиртом. Но спирт теперь пьют всё реже, и поэтому горечь стала горькой вперемешку с пивом, сделанным в Баварии.

Радость побед и горечь поражений видна на твоём морщинистом лице, но это лицо мужественно и седина, совсем легкая седина, пробивается сквозь гущу уже немолодых волос, ни тех юных и пшенично мягких, а теперь уже черных и жестких. И пальцы чуд чудь стали дрожать, касаясь блестящих клавиш рояля. И нервы стали совсем не крепче, нервы разладились, как струны на твоей любимой гитаре, о которой ты позабыл, повесив на стенку в квартире любимой женщины много лет назад. Всё это были годы уходящего столетия – тысячелетия, где прекрасный запах цветов смешивался с запахом крови на сапогах. Где дорожная пыль была перемешана с человеческим мясом, где музыка великих композиторов была оглушена грохотом снарядов, где был запах пороха, а не утренний опьяняющий запах свежести, ну и, конечно же, запах денег, сидящий в подсознании, в глубине, давно отравленного мозга людей. Это перспективно отравляющая организм зелень, эта зелень въелась в мозг, в кровь, в кости!

И природа зачахла, впитывая разливающиеся по земле черные пятна нефти. Природа, умерла от ужаса происходящего, перестала слепить нас своей красотой, потому что пре-

лесть денег ослепляла и дурманила умы на протяжении всего существования человечества. Звон монет был самой прекрасной музыкой и шелест, хрустящий шелест купюр, был вроде лечебной терапии, но никто не может устоять перед временем. И жизнь уносится безвозмездной памятью! А склепы, набитые золотом, стоят, покосившись набок. Ничто не может устоять перед временем! Всё боится времени, а время боится пирамид.

Хеопс, строивший свою гробницу тридцать лет, хотел красивой и спокойной жизни даже на том свете. Но, не тут-то было. Да, видно люди познавшие большее, что-то совсем обезумели и перестали верить в жизнь загробную. Они решили вдоволь пожить и насладиться всей красотой жизни. «Да и зачем нам рай», – сказали они. «Ведь рай можно построить на земле», – думали безумцы. «Рай можно купить», – говорили они, перебирая монеты. Нельзя построить то, что уже было построено, то, что было создано не руками человека. Вот и начали люди строить рай на земле, а в результате получился ад, кровавый и огненный ад, и тирания опутала землю. Сладкий дух победы. Развивающиеся флаги и крик ребенка в ночной пустоте. Спартакoвское мужество и жажда свободы, лаконичное изречение матерей лаконских бойцов. Что труднее всего, *monange?*(фр.) – Познать самого себя! Победа над самим собой. Сладкая победа, которой так часто нам всем не хватает. «Что легче всего, *monange?* (фр.) – Дать совет другим! «Те, кто смеются над философа-

ми, никогда не упадут в яму», – сказал Фалес. Ведь они уже лежат на самом её дне! *Isisonfaçon, moncherange.* (фр.) Твой ангел парит над твоей буйной головой, он всегда рядом и ты ощущаешь легкое дуновение его крыльев, его необычайную воздушность. Что мудрее всего, *monange?* – Это время! Что сильнее всего, *monange?* – Необходимость! Придет и наше время на повседневную, необъятную необходимость, *moncherange!*

Сладкий дух победы, парящий в воздухе, живущий в каждом организме, подчеркивает зависимое чувства свободы над самим собой, «Где же, где же этот сладкий вкус победы?» – спросите вы самого себя, взбираясь на десятиметровую вышку в бассейне. Вот ещё один шаг и сладкий вкус победы над самим собой. Даже под маленьким зонтиком вы ощутите радость победы над дождём. Даже совсем маленькая бутылочка холодного минерального напитка подарит вкус победы, победы над жаждой палящего солнца.

«Тише, тише, по-моему, она приходит в себя», – откуда-то издали доносились стоны, и я стал потихоньку приходить в ясное сознание и опять проваливаться в поток мыслей, уносящих меня куда-то за пределы существующего мира. Нет, нет, это был не сон, да и боже упаси, уж тем более не провал из-за наркотических вмешательств. «Тише, тише», – повторили снова. Мимо меня прошла медсестра с медицинским саквояжем в руках. Она задела меня за плечо и устремилась к Галине, лежавшей на полу. Она лежала с бледным лицом,

раскинув руки. Вокруг собралась толпа зевак, тихо бормотавших, что-то самим себе под нос. Возле Галины на коленях сидела женщина и плакала. Подошедшая медсестра протиснулась сквозь толпу и села на корточки, стала рыться в своём медицинском саквояже. Зеваки расступились и встали позади. «Конечно, не мудрено – жара тридцать градусов, а я сегодня даже из дома не хотел выходить». «Что Вы! Разве можно в такую жару делать экзамен, да и разве перенесёшь его на другой день, жара теперь на всё лето», – разговаривали двое мужчин в возрасте примерно сорока лет.

Галина открыла глаза и попыталась встать. Её ослабевшее тело плавно стало подниматься, красивые руки медсестры потащили её под руки вверх. Галина с жадной стала глотать воздух, впитывая его и пережевывая всем организмом. Женщина, сидевшая возле неё, махала носовым платком, приговаривая: «Победа, победа, вот она тебе, Галочка, твоя победа до чего довела. Что ты с собой сделала, разве так можно. Посмотри, что с тобой стало?»

Медсестра, глядя Галину по руке, усадила её на стул. «Ничего, ничего оклемается, всё хорошо. Это бывает», – успокаивая, говорила она, продолжая гладить Галю по руке. «Я всё прекрасно понимаю», – отвечала ей женщина. Слезы катились у неё по щекам, она вытирала глаза, приподнимая на лоб очки с округлой оправой. Капельки слез смешивались с тушью и скользили по её лицу черными каплями. «Да, да, конечно я всё прекрасно понимаю, но нельзя же так себя до-

водить», – продолжала она говорить, не переставая плакать. Вы только посмотрите, какая ужасная жара, а её организм совсем истощён. Нужно экономить свои силы, не тратить их, а она голодовкой себя довела, дурёха. – Следующий!»

Встревожил меня резкий и громкий голос: «Господа абитуриенты! Попрошу Вас, потише». Гул, который стоял у меня в ушах стал потихоньку затихать.

Оглянувшись, я увидел растерянные лица. Молодой человек с выразительными глазами прошёл в аудиторию, и большая скрипучая дверь захлопнулась за ним. На мгновение воцарилась ужасная пугающая тишина, и только бегающие глаза скользили взглядом друг по другу. Обеспокоенные родители ходили из стороны в сторону. После минутной паузы тишины опять возобновились диалоги.

«Ну, что ж, не видать, так уж не видать», – сказал парень с длинными светлыми волосами. Внезапно, всех испугав, распахнулась дверь, и оттуда вышел тот самый юноша, что мгновение назад зашёл в аудиторию. На его лице, сияла улыбка. Все бросились к нему, с вопросами: «Ну, как!? Ну как!? Ну, как там!? Рассказывай!» «По-моему, я их победил», – сказал он с радостным восторгом. «По-моему, это победа!» – сказал он ещё раз. «Молодец!» – поцеловав его в щёку, ответила девушка с кудрявыми рыжими волосами. «Духи были на твоей стороне, духи тебе помогли», – прошептала она ему. «Духи?» Он посмотрел на неё, и улыбка на его лице плавно стала перерастать в удивление. «Какие духи?» – переспросил

он у девушки. «Как какие!?» Она засмеялась и стала копаться в своей сумочке.

Парень стоял удивленный, с розовыми щеками, ничего не понимая, что говорила ему эта рыжеволосая красавица. Она достала из сумки губную помаду, подвила штрихи на своих выразительных губах, потом резко бросила губную помаду в сумку, чмокнула губами и произнесла опять, изящно разводя руки: «Как какие. Это дух победы, дурачок». Она нежно взяла его за руку и, похлопав его по плечу, как бы давая понять, что он должен прийти в себя. Он смотрел на неё влюблено, по-детски мило. Она захлопнула сумочку и выпрямилась, облокотившись на подоконник.

«Это был сладкий дух победы», – подумал он, подавившись обаянию рыжеволосой красавицы. Очередной гул нарастал от волнения окружающих. Тяжёлая дверь распахнулась и грубый мужской голос сказал: «Следующий!» Следующих было много, и все хотели только победы. И духи кружили, они были повсюду, они смеялись над ними, над нами, над всем. Им было смешно, они выбирали своих избранников, своих жертв. Я чувствовал их горячее победоносное пламя. Это было приятное и в тоже время болезненное чувство внутри, и ноющее, и жгучее, и радостное. Его вселял дух – дух победы!

Разбросанные книги, не вытертая пыль... всё смешивается, и создает серую картину. Да и картины, твои любимые картины, весят кое-как, а на некоторые и вовсе не хватает

времени, чтобы повесить их, ведь ты их давно уже забыл, не правда– ли!?! Но, зато вымыта посуда и тарелки расставлены так, что не приходится их путать. Вот она рапсодия, жалкая еврейская рапсодия. Но это лишь начало, начало всех начал. Сладкая песнь матери, качающей колыбель, не подозревающей всего того ужаса, который предстоит испытать её малышу. Пой, пой! Пой, свою сладкую песню. Быть может, именно эта песня будет его согревать в те самые минуты горечи.

«Я ЕСЕМЬ, – сказал человек. Это был тот самый, который среди прочих сказанных вещей говорил нечто такое, что заставило бы считать любого другого человека либо самовлюбленным эгоистом, либо безумцем.

Я бросился к окну, посмотреть на первый и, быть может, уже последний в моей жизни восходящий луч солнца. Но было уже слишком поздно, и меня охватил страшный ужас. Боже, боже, боже, что это, что это!?! Это был страшный водоворот пронсящих мимо комет. В моём горле вдруг пересохло, а глаза заслезились, и я, ничего не видя перед собой, бросился к крану с водой. Я открыл кран в надежде глотнуть холодной и прозрачной воды, но оттуда текла жёлтая отравленная жидкость. Сердце моё стонало от ужаса, я стал задыхаться, подбежав к окну, я распахнул его, чтобы вдохнуть воздух. Но и воздух был не чист, серая копоть была впере­мешку с чёрно-синим небом. Да воздух стал дорогой, слишком дорогой, чтобы хватать его и, пережёвывая, выплевывать как ненужный мусор. По пять долларов за каждый глоток

воздуха – вот цена жизни. Мою грудь давило тяжёлое чувство. И тогда, не выдержав, я заорал во всё горло! Но небо, уже давно, не реагировало. И, кажется, земля задрожала, а посуда стала дзынькать своим хрустальным звоном. Нет, это было не землетрясение. «АРМАГЕДДОН», – прошептал я. Это раздавалось повсюду. «АРМАГЕДДОН», – повторил я. И страшный фундаментальный бас раздавался повсюду. Он шёл откуда-то из преисподней. Этот ужасный смех был жутко страшен. Он был везде, в каждой клетке живого организма. Он оглушал и разрывал сознание на куски.

Вот оно начало всех начал. Я Есень! Вот он, я чувствую его, он уже рядом – это дух победы, дух разрушения и самовластия. Я слышу тебя свирепый отец, отец страстей. Я слышу твои шаги. От них содрогается грешная земля. Конечно же, она не грешнее своего народа, который подверг её выбиться из колеи планетного круговорота. Я слышу всё то, что происходит в аду: эти ужасные крики, этот ужасный истерический смех и стон, и плач, и твоё ликование, страшный дух победы, торжествующий надо всем. «Это парадокс», – усмешливо скажет старый и мудрый Фауст. Нет, к несчастью, это не парадокс. Конечно, можно стать добрым, кротким, благословенным, или же наконец просто святым для всех, но для величия, для торжества нужны – успех, власть, кровь и больше ничего. Я вижу, как опять упала маленькая и яркая звезда. У каждого человека есть своя звезда, сияющая в планетном лабиринте. Хотя люди и звёзды совсем-совсем не

параллельны.

Я вижу остывающее тело. Это, ужасно! Погружённая в холодную корку земли душа, которую мы так любим при жизни, и не знаем, куда она уходит после разрыва жизни и ткани. Душа летит туда, к своей звезде, а звезда срывается с неба навстречу ей, чтобы обрести новую жизнь. Да, это печальное и в то же время радостное мгновение, но если бы это было на самом деле именно так, то, наверное, с неба только бы и сыпали нескончаемым потоком звёздные дожди. Это торжествующее ликование продлится недолго, требуя постоянно всё новых и новых побед. Побед над всем. Это прекрасный и в то же время разрушительно страшный дух победы. Это был он, я его видел, я узнал его. Вот он ликует, торжествующе разбрасывает свои флаги огня. Вот оно дружеское рукопожатие огня и воды, раздувающихся ветрами, ветрами страстей, уносящихся за горизонт земли, за горизонт мечтаний. А ведь, наверное, тебе есть, о чём помечтать. Я не думаю, что твоя мечта сводится только к успешному заработку, потому что наверняка есть ещё много хороших мыслей в твоей светлой голове. Я знаю, что жажда к большому и великому движет тобою, но она движет не ради любви, а может, я ошибаюсь. Победа ради любви, победа над любовью, не останавливающая, покоряющая и разрушающая на своём пути всё, жмёт крепко руку, руку великого Зевса.

Я не люблю запах слепой войны, ведущей к разрушению и смерти. Да и ты яростный противник всего этого – того,

что связано с войной и кровью, растекающейся по жилам и затмевающий разум своим горячим и, порой безразличным, теплом. Пролитая кровь твоих детей не остановит яростного духа. В сотый раз задаю себе один и тот же вопрос: «Что же правит этими безумцами, идущими на смерть, влача за собой вереницу разрушений, что?» Это и есть самый страшный показатель всех самых ужасных примеров в истории под названием «Жизнь». «О боже!» – взмаливаешься ты на коленях, прося о жизни, и страшный свет неземных софитов бьёт тебе в отёкшие от слёз глаза. Я вижу, как ангелы слетелись – забрать с собой невинные души. Я слышу смех сатаны, правящий разумом террористов. Вот их опустошённые души. Но они не понимают, они ничего не понимают. Ведь нет у них веры, а есть их вера в борьбу, борьба победы не за веру и не с верой. Потому что Мухаммед не призывал их к кровавой бойне. Нет, это уже не люди, а что-то вроде зомби с кровавыми глазами, в которых видно только разрушительная сила победы.

Что же, жму руку я твою, когда протягиваешь её мне ты. Это тяжёлая холодная рука статуи, покрытая кладбищенской пылью. Вино и кровь почти одного цвета. Вино в крови движет разум к великому – совершать победы! Но сама победа сильнее всех, сильнее самой победы. Поэтому остывающая кровь вперемешку с вином, разлитым на асфальте, пахнет точно так же, как и победа над самой победой.

Я жму руку сотням людей. Это совсем холодные бес-

чувственные руки одиноких скитальцев. Их глаза одиноко грустны, они покрыты бесцветной пеленой безжизненности. Они похожи на ночных зомби, живущих в системе вечного и умиротворённого планетного цикла. И уже совсем непонятно, чего они желают в этом круговороте переживания и переплетения. Одиночество – вот страшная месь испытания для всех сумасшедших. Дух ищет ищущих духа, молящих, чтобы он спустился к ним, духа всемирной победы, сладости испытанного чувства радости по отношению ко всему, что есть вокруг.

Ты хочешь быть в системе, ты хочешь карабкаться и быть первым? Да, сто раз да, а если нет, то мне смешно, ведь этого быть совсем не может. Я точно знаю, что ты хочешь быть только первым, невзирая ни на что. Да, они хотят быть в системе, они хотят быть в круговороте всего, всего, что их окружает, они делятся на кланы и группы, на своих и чужих.

И вот снова кровь, и вот снова кто-то первый с великим чувством победы.

Я вижу, как реки превращаются в сухие канавы, а жажда палит и зовет к наслаждению крови. Я вижу, как кровь течёт по этим канавам и утоляет жажду рвущихся к победе. И к двухтысячному году прибавляются – один, пять, пятнадцать, тридцать, пятьдесят. Это года, ведущие нас в никуда, в холодный мрак одиноких сомнений. И триста шестьдесят пять дней в году меняют следующие триста шестьдесят пять дней. И каждый день залит кровью, кровью тех, кто уже не в силах

так дальше жить и начинает бороться с системой.

А природа с истерическим криком и смехом упала куда-то в бездну людских изобретений и в сумасшествии своём, непонятном для себя сумасшествии, перепутала всё, что возможно было перепутать, и стала творить назло людям свои сумасшедшие чудеса, а порой, и просто хаос. Дают люди, люди и отбирают. Безумие безумцев к безумию ведёт. Мы говорим то, чего не видим, а то, что видим, мы порой не говорим. Общество создаёт нас, а мы создаём общество.

ДА, ДА, ДА, ДА!!! Я всегда хотел, чтобы было только ДА, и не хотел слышать НЕТ. Нет – это так порой больно. Я не хочу слышать НЕ и НИ. Я перебирался по трющобам тёмного городка, вглядываясь в светящиеся окна за которыми шла своя жизнь. Моя задумчивость переходила с одной мысли на другую. Переменчивое настроение менялось, я шёл по тёмным улочкам, не спеша, слегка поднимая пыль с грязных тротуаров. Над моей головой кружилось сияние звёзд. Я думал о разном, совсем о разных вещах, и казалось, что поток моих мыслей уходил именно туда, к тем сияниям, и я ощущал, что я счастлив. И мне казалось, что дух победы кружится и радуется вместе со мной. Плохо, когда человек теряет эмоциональные краски восприятия мира. Это беда, когда злостный дух разрушает его при жизни. Я счастлив, что не разучился радоваться, печалиться, восторгаться, злиться, любить, ненавидеть. Я не знаю, каких красок у меня стало больше, может быть, грусти и печали, но это не от седого

разочарования, хотя и разочарованность порой наступала и стегала меня своей серой пеленой. Я знаю, что она присуща и тебе. Да и парой грусть, это хорошее качество. Наверное, ты любишь сумерки. Не отказывайся от них. Это здорово, ведь это граница двух миров, соприкасающихся в этот момент: впереди вечер, а пока ещё день. Вот грань, переходящая с одного в другое. Я очень люблю это время. Ну, каковы ощущения радости безмерной победы над самим собой, надо всем. И кажется, что ты, скажем, соприкоснулся с самим богом. Ха, ха, ха!!! Да, вот я уже смеюсь, мне смешно. Вот она – одна из вечных загадок жизни – поразительная быстрота и лёгкость, с которой младенец осваивает сложнейшее многообразие мира. Вот опять соприкосновение. Какой же это шок, когда внезапно кончается райская жизнь в материнском чреве, и яркий свет ослепляет новорожденного. Ну, вот и всё – жизнь вдохнула в тебя всё, что есть. В его уши врываются громкие голоса и шумы, навсегда осталось позади невесомое парение в околоплодной жидкости. На голову и позвоночник давит сила притяжения, вместе с пуповиной отрезан постоянный приток питания. Вот он – крохотный голый человек, совершенно незащитное существо, которое поистине должно совершить Гераклов подвиг. Да, некоторые люди рождены, чтобы побеждать! И всё-таки, он счастлив, и всё-таки, он есть. Он смотрит на вас с полуоткрытым ртом своим удивлённым взглядом, протягивая свои ручонки к вам. И сияющие его глаза заставляют вас улыбаться. Но это только нача-

ло, начало всех начал!

Я вижу, как боги начали свой жертвенный делёж в надежде получить лакомый кусочек. Они уже собрались, чтобы поспорить на любимую тему. И всё-таки, кому же он достанется, кто будет довольствоваться на сей раз своей жертвой. Арес, Артемида, Асклепий, Дионис, Гера, Аполлон, Гигея, Гефест – все они склонились перед Зевсом и лукаво что-то шепчут в его мощные небесный уши. За кем же выбор, кем будет этот прекрасный малыш. И вот, словно куры на нашест, слетелись духи, и начался вечный переполох, перетирание времён и судеб. Где же эта гигантская мощь, уносящаяся в неизведанную глубину под корку времён. Будь самим собой, привыкай ощущать завистливые взгляды. Привыкай к этому с малых лет. Это взгляды твоих друзей, твоих врагов, или же просто прохожих, плящущихся на тебя с корыстью. Не будь, как они, будь всегда лучше и благороднее их. Почувствуй лёгкость твоего движения, радость свободы, остроту разума и любовь сердца. Вот что главное!!!

Воспоминание прошлого: холодных, бездушных времён. Шёл пресловутый 2065 год. И хотелось говорить о чём-то, о чём уже было можно, и всё же, всё же тянущая боль уходила вместе с воспоминаниями того ужасного, но прожитого в ошибках порочно кровавого политического времени.

Стояло жаркое лето, на деревьях уже висели зелёные яблоки. В просторном ботаническом саду росли помидоры, редиска, щавель, укроп, огурцы, клубника и другие мало со-

хранившиеся культуры. Всё это было под большим навесом, куда можно было заходить не каждому члену большой семьи. Всё было напитано зеленью и не мешало друг другу. Солнечные лучи попадали на кромки деревьев и сбегали по листьям вниз, переливаясь на плодах, скользя с ветки на ветку. Весь сад стоял под палящим солнцем, и только под некоторыми деревьями собиралась тень. Всё остальное было почти открыто и не препятствовало лучам и зною. Когда температура достигала критического состояния, стеклянный купол этого парника закрывался, спиральным дополнительным светоотражающим стеклом и включался воздушный поток, который продувал и давал ощущение легкого ветерка. Все культуры росли быстро, и их экологическая чистота была в норме. На крыше дома часто собирались голуби, я до сей поры не могу понять, откуда они брались так внезапно и непринужденно ждали своего любимца, который боготворил их, кормя и приговаривая: «Райская, райская птица». То место, где в последнее время жил он, было загородным домом с гектаром земли, огороженным большим бревенчатым забором. В саду был парк с лавочками и четыре здания, из которых – одно было зданием для прислуг, другое – баня в четыре этажа с уличным бассейном, третье – дом, где жил он, встречал гостей и своих близких, и наконец, – его любимая в последнее время теплица, которая больше была похожа на стеклянный дворец. Теплица радовала его и давала жизнь его последним минутам радости. Все здания, территория и въезд

были оснащены наблюдением, и всё контролировалось службой безопасности. Роботы были везде: в доме, в бане, на улице. Они были разные, но все выполняли одну функцию. Это были в основном технические машины obsługi. Людей на территории усадьбы не было. Только иногда в виде исключения – это был очень редкий повод пообщаться с кем то. Ещё приезжали близкие – но это было тоже редко. Так редко, что вертолётная площадка заросла красивыми цветами, и он не разрешал её стричь. Голубей он любил и подкармливал их, любуясь их грацией. Он любил смотреть, как они клюют и воркуют, он заранее для них замачивал хлеб и держал просо. Голубей прилетало всегда так много, что не видно было черепицы на крыше от их серых перьев. Они прилетали и садились везде: на подоконник, на парапеты. После того, как он отдавал им их паёк, он шёл под его любимую яблоню и садился там наблюдать за трапезой пернатых. Порой он ложился, закладывая руки за голову, и о чём-то думал, и только он знал в эти минуты свои сокровенные мысли. Его длинная борода развевалась от лёгкого дуновения ветра. У него была большая белая борода, и когда он говорил, он поглаживал её своей старческой рукой, а то и вовсе теребил в зависимости от своего настроения. Когда становилось слишком жарко, он уходил в дом, включал прохладный поток воздуха и садился за свои рукописи.

На его памяти было время глобальных перемен, когда мир рушился в экономическом беспределе, и он тоже был этому

виной, когда недра превращались в самые обыкновенные пустоты, и землетрясения и цунами разрушали города и страны, когда росли до беспредельных высот цены на все продукты питания, росли цены на нефть, газ, и их запасов оставалось всё меньше на этой планете, когда вырубались леса, когда колониями погибали птицы, морские обитатели, обитатели леса и озёр, а люди, не понимая того, что они творят, продолжали набивать свои карманы золотом и валютой, стараясь, стать властителями мира и земных богатств. Теперь, когда пришёл итог всему этому, он сидел и с задумчивым и скорбящим обо всём видом старался что-то изменить, но было уже слишком поздно. Он рассказывал про это, как то раздражённо, да и вообще, он был человек очень раздражительный. Говорил он громко и чётко. Его голос вырывался из самой груди, и был твёрд и иногда резок, как молния. Он мог говорить очень долго. Обычно, когда он разговаривал, то пристально смотрел собеседнику в глаза, и было неловко у него что-то переспрашивать в том случае если, что-то было непонятно. Переспрашивать у него было бы смертельно опасно. Он не любил, когда его останавливали и перебивали, что-либо переспрашивали, и если это происходило, то он тут же начинал раздражаться и злиться. Но, как правило, зная его, никто не пытался ему перечить или раздражать его. Со мной он был всегда спокоен, и иногда, когда у него было хорошее настроение, он смотрел своим лукавым взглядом и шутил, и тут же закатывался совсем наивным и детским сме-

хом: он смеялся своим старческим и хриплым басом. Он был верующим человеком, хотя верить он начел совсем незадолго до своей смерти. Он знал все религии и мог говорить на эту тему часами. По своей сути он был одинок, с ним мало кто в последнее время общался, его боялись. Боялись с ним говорить, боялись сделать, что-то не так. Он мог запросто выгнать, а вообще, он был незлой человек. Всё дело было в его взгляде на жизнь, который сформировался у него с годами его совсем не ангельской работы. Да и он сам, знал, что было много чего сделано, совсем не так, как хотелось бы. Поэтому он и расхлёбывал своё порочное прошлое. Но в храмы он не ходил и всегда говорил, что в них сатана. Он соблюдал посты и молился перед сном и каждым обедом. Иногда, глядя на него, я думал, что вот он-то и есть сатана, но это был всего лишь мой родной дед.

Как-то прекрасной порой, когда на деревьях налились приятным ароматом его любимые яблоки, и солнце припекло сквозь купол затенённого стекла, я приехал к нему в гости. А он, в очередной раз, покормив своих пернатых, пошёл отдохнуть под свою яблоню. Он разлёгся под ней, закинув руки за голову, пожалуй, только я мог видеть его таким, каким он был в дали от всех: и от дел, и от своих приближённых. Я разлёгся с ним рядом, и мы завели глупую беспредметную беседу. И вдруг он резким и пронизывающим голосам сказал, что ему осталось жить совсем чуть-чуть, и что в конце года он уйдёт в мир иной. Мне вдруг стало жутко, и я

посмотрел ему пристально в глаза, так как он обычно смотрел на меня. «Я умру», – повторил он. Я опешил от такого заявления и стал дрожащим голосом нести несуразную чушь, стал его отговаривать и, улыбаясь, делал вид что, мол, он пошутил, и никто не может знать заранее, когда умрёт. Вдруг он как то обидчиво фыркнул, понимая, что я ему не верю, и что к его словам не отношусь серьёзно. Прищурился, он добавил со своим выразительным лукавством: «Ну ладно больше ничего не скажу». Я продолжал оставаться в недоумении, делая вид, будто всё хорошо, но внутри меня раздавались нервные стуки, а в голове свербело: «Умру, умру, умру...»

В этот день я уехал от него с подавленным настроением. Мысли мои были где-то вдалеке, где-то там, где небо сходится с землёй. Он же и правда больше не упоминал об этом разговоре, и я боялся кому-то говорить о нашей беседе. Но вскоре после этого он стал как-то всё чаще хворать, но вида никогда не подавал, хотя мне это было заметно. То ли я знал о том, что он говорил, и поэтому видел его недуг, а то ли и в правду он был немного бледноват – и мне это только казалось. Я не мог этого уже понять. Пришла осень. Ему становилось всё хуже и хуже. В начале декабря он слёг основательно и перестал вставать с постели. Это был последний год его жизни, даже можно сказать – последние часы его уходящего времени.

30 декабря его похоронили. На его похоронах не было вен-

ков, не было цветов. Были странно улыбающиеся лица родственников и лица совсем неизвестных никому людей. Похоронили его очень серо, впрочем, как он и хотел. Когда-то он говорил словно в наказ всем, чтобы ни в коем случае никто не приносил цветы, да и печальных лиц он тоже не хотел видеть на своих прощаниях. Но я всё же не мог сдерживать своих слёз, потому что мою душу разрывало горе. Все остальные были спокойны и даже как-то удовлетворены. На кладбище, когда оставались последние минуты прощания, к нему не подошёл ни один человек, кроме его племянника и меня. Все остальные стояли на жутко страшном расстоянии. Остальные его внуки, мои братья и сёстра, смотрели на меня с презрением – как на какого-то идиота, и даже его сын, мой отец, был очень холоден и не подошёл с ним проститься. Была жуткая погода, летел мелкий снег с дождём. В эти минуты я ощущал полное одиночество, и мне было страшно. На тот момент я был уже совсем духовно далёк ото всех, мой брат и сестра отреклись от меня, незадолго до этого горького события, выгнав меня из своего дома. Я хотел с ними родниться, и меня тянуло к ним, но они были взрослыми, и им была непонятна моя духовная близость с ними. Они не ходили к деду в гости, и их раздражало, что я всегда старался его навещать. Я не знаю, откуда у них взялось столько ненависти к нему и почему они винили его за его прошлое. Они думали, что я ищу какую-то выгоду, но мне просто нравилось общаться с ним. Со слезами на щеках я доехал до дому. По

старой традиции я помянул деда, отдав свою последнюю почесть. И ушёл для всех совсем чужим человеком. Через полгода я встретил своего отца на улице, проходя мимо здания департамента. Мы двигались на встречу друг другу. Когда мы сровнялись, он махнул мне головой в знак приветствия. Я ответил таким же жестом и, не подавая друг другу руки, мы прошли мимо.

Когда-то было, начало 2000-х годов, оно было почти таким же, как и начало 1900-х: они были похожи – эти два делимых, но совершенно одинаковых в своих начинаниях времени, они были как два близнеца. Человечество прогрессировало и развивалось во всех малых и больших областях, оставалось совсем немного до начала великих перемен. К этому времени люди думали, что они сделают огромный прорыв в изменении всего строя, но они тогда ещё не знали, что предстоит им испытать, сколько прольется крови, и скольких людей будут мучить воспоминания о тех предстоящих днях. И опять на стыке времён встретились два столетия, два совершенно разных и амбициозных времени. Все люди готовились встречать праздник, спешили доделать то, что осталось, и с облегчением вдохнуть и встретить новый год. Праздники наступали за несколько дней до начала их, и длились для всех по-разному. Кто-то впопыхах и в суете не замечал сквозь несущуюся жизнь этих внезапно пронесившихся знаменательных событий. Снова вступали с удовольствием, а может с накопившейся привычкой в продолжи-

тельность своей деятельности. Кто-то готовился тщательно к новому году и готовился так, что не замечал, как начинал праздновать и праздновал, пропивая все свои сбережения, накопленные ранние, и даже умудряясь влезть в долги. Кто-то относился к праздникам, как и к обычным дням, ничего хорошего не предвещающим в их замученных судьбах. Кто-то с особым недовольством и холодным, как снег, равнодушием уже ко всему тому, что окружало их, ложился спать и просыпался уже в новом году по календарю зимнего праздника. И с совершенным неприятием и непониманием окружающего мира они, просыпаясь, продолжали свою унылую и степенную жизнь. Погода давно уже не баловала всех, своим природным расположением к праздникам. Улыбки на лицах людей встречались всё реже и реже. И создавалось порой такое впечатление, что времена года, да впрочем, и столетия сговорились между собой и в очередной раз приготавливали какую-то страшную шутку. В это время погода была настолько своеобразна, что было очень сложно под неё подстроиться. Даже можно было сказать, что властительница-осень стала навещать нас четыре раза в год. Люди почти стали к этому привычны и любимой темой их разговора стала погода. Многие не понимали по утрам, что нужно надевать, потому что погода за день могла резко несколько раз меняться и прогнозы были неверны: они всё чаще и чаще ошибались. Можно было с утра в декабре месяце увидеть, как идёт дождь, а к вечеру этого же дня мог выпасть снег, и люди на ули-

цах выглядели довольно-таки странно: они шли в шубах под зонтами. От дождя их меховые наряды выглядели смешно под потоками небесных вод. Можно было увидеть и людей в осенних ботинках и лёгких весенних куртках при внезапно ударивших морозов и заставших всех врасплох, щекотав всем пижонам носы, своим холодом. Синоптики не успевали предугадывать предстоящую погоду, а люди не знали, что им покупать на следующий год.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.